

«Я готова была для него на всё»

В июле котлашане отметили 110 лет со дня рождения знаменитого земляка - легендарного адмирала флота, Героя Советского Союза Николая Герасимовича Кузнецова. Много о нем написано книг, статей, воспоминаний, но не много известно о жене, которая прожила с ним почти сорок лет, познала все его беды и радости, взлеты и падения. На протяжении всей жизни Вера Николаевна Кузнецова была самым преданным, верным и заботливым другом для Николая Герасимовича.

Архив Котласского краеведческого музея все больше пополняется материалами, связанными с Н. Г. Кузнецовым и его семьей. Появляются новые документы, воспоминания, книги. Большую часть из них мы получаем от родственников. Особую благодарность выражаем невестке Н. Г. Кузнецова, доктору исторических наук Р. В. Кузнецовой.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей воспоминания В. Н. Кузнецовой, написанные о своем муже с большой нежностью, заботой и любовью.

«Когда я задумываюсь о прошлом, размышляю о событиях, людях, их поступках и многом другом, что осталось позади, то каждый раз прихожу к мысли, что, несмотря ни на что, мне незачем сетовать на жизнь - она у меня удалась, судьба была ко мне благосклонна. А ведь пережито много мучительного из-за происшедшего с Николаем Герасимовичем. В памяти же остается больше светлого и хорошего. Трудное и тяжелое как бы обволакивается дымкой и постепенно тает. И только где-то глубоко-глубоко в душе не проходит чувство боли и обиды за Николая Герасимовича. Каждую прожитую вместе минуту я вспоминаю с благодарностью. Я была счастлива. Мне казалось, что я сумела создать наш дом и быть в нем хозяйкой, куда он стремился со всеми своими радостями и печалью, чтобы набраться сил, отогреться душой, побыть с семьей, окружавшей его добротой и любовью.

Его обожали и старшие - родители, и дети - сыновья, многому научившиеся у него, как и он, полюбившие море и морское дело. Рядом с Николаем Герасимовичем мне посчастливилось быть

Николай Герасимович и Вера Николаевна. Москва. 1941 год.

36 лет до последней минуты, когда он, слабея и уходя в вечность, тихо прошептал: «Почитай». Его не стало, и я осиротела. С того самого дня, 6 декабря 1974 года, я все вспоминаю и вспоминаю...

Николай Герасимович вошел в мою жизнь неожиданно и навсегда. Мы познакомились с ним вскоре по-

сле Хасанских событий. Он уже командовал Тихоокеанским флотом и в декабре 1938 года прибыл на Главный военный совет ВМФ. Часто бывал он в кабинете начальника. Принимали его в нашем отделе хорошо (*Вера Николаевна работала в Главном Морском штабе чертежницей* - ред.). Всегда приветливо и неофициально здоровал-

ся с сотрудниками, шутил, общался просто, по-человечески. Все им были очарованы. Еще не видя его, я слышала, как много хорошего говорили о нем все вокруг. И случилось так, что мне поручили помочь ему оформить графический материал к докладу. За время работы между нами установились такие отношения, словно мы давно знали друг друга. Когда я заканчивала работу, Николай Герасимович со мной шел до моего дома. Москву он тогда знал плохо, я показывала ему, рассказывала. Время летело быстро. Так незаметно мы и подружились. Наконец моя работа закончилась. Николай Герасимович выступил на Совете. Накануне он выглядел тревожным и напряженным, а после Совета весь светился от счастья - ему удалось убедить И. В. Сталина в невиновности командира погибшего нового эсминца, решено было под суд никого не отдавать. Я порадовалась вместе с ним. И тогда, и потом всю жизнь я болела душой за его дело, гордилась им и готова была для него на все.

В начале января Николай Герасимович уехал. По дороге с каждой станции отправлял мне открыточки, в марте снова приехал в Москву. Теперь мы встретились уже как старые знакомые. 13 марта я вышла за него замуж.

С первого дня нашей семейной жизни я пыталась понять, как и чем могу помочь Николаю Герасимовичу. Решила, что должна устроить дом для нас (прежде ему приходилось жить у чужих людей, либо в военных училищах, либо в гостиницах). И я делала для этого все, хотя была молода и неопытна. Вскоре заметила, что Николай Герасимович перестал обедать в Наркомате, приезжал только домой.

Какой он был, мой Николай Герасимович? Высокого роста. Гордо посаженная голова, улыбающиеся всегда особенной улыбкой серые глаза, красивый рот. Он был добр, умен и остроумен. Каждый раз, когда я присматривалась к нему, я обнаруживала, что он мне нравится заново.

Работа для Николая Герасимовича занимала все его время, мысли и даже чувства. На остальное оставалось мало времени. Сутками пропадал на службе, но, странное дело, я почти не чувствовала его отсутствия. Разлук было много, но такое впечатление, что мы

ни разу не расставались. Мы с сыновьями всегда были в его сердце. «Моя семья - мой самый надежный тыл», - как-то сказал он.

...Отстранение от должности и снижение в звании в 1956 году он встретил мужественно. Считал это незаконным, ибо никто не предъявил ему никаких оснований, не вызвал для объяснений. Последние 18 лет наша жизнь прошла в Раздорах, в поселке, пограничном с Барвихой, мы арендовали дом, казенную дачу сдали. Платили за уголь, свет, ремонт, телефон и воду, на это уходили наши накопления. Московскую квартиру задумали обменять на меньшую, поскольку на оплату за нее уходила половина пенсии Николая Герасимовича, а льготы нам были не положены. С первых дней Николай Герасимович, не раздумывая, стал изучать английский язык, много читал иностранной военной литературы. У нас появились друзья из института психологии Академии педагогических наук. Николай Герасимович там вел семинар, слушатели его обожали. Новые друзья стали бывать у нас. С ними в дом приходил праздник - смех, разговоры, стихи, чай из самовара. Николай Герасимович рассказывал морские истории. Я видела, как он молодеет. В то время мы часто ходили в консерваторию, бывали в театрах и концертных залах. Так что жизнь наша была разнообразной и наполненной. Часто Николай Герасимович задумчиво бродил по дому. Был рассеян и отвлечен какими-то потаенными думами. А в папке на письменном столе появлялись все новые и новые листки воспоминаний.

Мы жили за городом летом и зимой. Сыновья навещали нас. Мы полюбили наш домик с маленьким садом. Вставал Николай Герасимович рано, не спеша прогуливался по самой длинной дорожке сада. Часто останавливался и о чем-то думал. К завтраку приходил свежий, оживленный: «Как хорошо, что мы живем здесь, какой воздух, какая тишина - можно о многом поразмышлять. Когда я выхожу в сад, мне начинает казаться, что все у нас наладится, справедливость все-таки должна победить ложь. Мне даже кажется, что это скоро придет». В это время лицо его светилось. А мне почему-то казалось, что это он

говорит для меня, чтобы я поверила. Николай Герасимович очень любил природу, ему не надоедало смотреть на белок, перелетавших с одной ветки на другую. Когда мы отдыхали в Крыму, он мог целыми днями сидеть на берегу моря или часами бродить по взморью, ходить по лесу. Около него всегда образовывался круг отдыхающих, завязывались оживленные разговоры, он мало говорил - больше слушал. Но, бывало, и охотно вспоминал о событиях, рассказывал увлекательно. Его доброжелательность, сердечность, теплый товарищеский тон располагали. Любил рассказывать о былом флоте, о пользе живописных полотен маринистов, помогавших расширить кругозор в военном искусстве. Мог дома часами рассматривать свои картины. Много читал. Книги вошли в его жизнь рано и сыграли большую роль. Они помогли ему писать воспоминания и, может, даже жить. С 1939 года он стал собирать личную библиотеку. Радовался, когда находил интересное издание. Зная увлечения Кузнецова, из букинистического магазина часто звонили, радовали его новой книгой. В последние годы он вел большую переписку, вызванную выходом его книг. Его ответы отличались сдержанностью, правдивостью, строгостью, когда затрагивали общественные проблемы. Мнение его всегда было определенным. Не знаю - всегда ли он был прав? Но эта черта свидетельствовала о силе и цельности его личности. Меня всегда поражало, как продуманно он говорил о жизни, с такой глубиной, печалью, мужеством, заставляющими подумать о самом себе - как ты живешь? «Первая часть жизни всегда лучше второй, потому что первая всегда что-то обещает», - поговаривал он под конец. Его жизнь можно разделить на три части. Первая, лучшая, обещала многое. Вторая - положила на плечи сложные обязанности. Третья, самая трудная, ничего светлого не обещала. Но он прожил их честно и стойко. Не согнулся, не озлобился, продолжал работать, самоотверженно, день за днем, отдавая свои последние силы».

Подготовила Наталия НИКОЛАЕВА, заведомо музейной педагогики Котласского краеведческого музея.